

Пауло
Антонио
Перейра
Пинто

От Китая до Азербайджана: дорогой шелка, ковров и заморских рассказов

Перевод с португальского

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2016

УДК 821.134.3-992
ББК 84(4Пор)-44
П27

*Перевод с португальского
Анастасии Голец*

Перейра Пинто, П. А.

П27 От Китая до Азербайджана: дорогой шелка, ковров и заморских рассказов / Пауло Антонио Перейра Пинто ; перевод с португ. А. А. Голец. — Минск : Четыре четверти, 2016. — 178 с.

ISBN 978-985-581-065-1.

Новая книга Пауло Антонио Перейра Пинто, Чрезвычайного и Полномочного Посла Бразилии в Республике Беларусь, представляет собой сборник статей, написанных за тридцатилетний период дипломатической службы и опубликованных в ряде периодических изданий.

Карьера дипломата предполагает знание истории, интерес к языкам, путешествиям, а также быструю адаптацию к новым культурам и менталитету. Автор сочетает в себе все это с присущей ему наблюдательностью, талантливо запечатлевая фрагменты из жизни.

Свое повествование в статьях этого издания дипломат строит, основываясь на непосредственных контактах с реалиями тех мест, где он работал, стремясь понять народы и страны, истолковать происходящее там, показать, как люди воспринимают окружающую действительность и ее трансформацию.

Книга несомненно будет интересна для специалистов в области международных отношений, преподавателей и студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся внешней политикой, культурой и бытом стран Азии.

**УДК 821.134.3-992
ББК 84(4Пор)-44**

Мнение, выраженное в данном издании, принадлежит автору и не отражает точку зрения Министерства иностранных дел Бразилии.

ISBN 978-985-581-065-1

© Перейра Пинто Пауло Антонио, 2016
© Голец А. А., перевод на русский язык, 2016
© Даниэла Саллет, предисловие, 2016
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2016

ПОСВЯЩЕНИЕ

В бразильском штате Риу-Гранди-ду-Сул мне довелось познакомиться с рассказами гаушо* и их самобытной манерой повествования. О чем бы ни шла речь: веселом или грустном, серьезном или не очень — рассказывать нужно эмоционально, образно, и обязательно заинтриговать слушателей.

Чем бы история ни заканчивалась, никогда не помешает добавить пару драматических пауз или чуть приукрасить повествование, снискав тем самым одобрение публики. Это и есть формула успеха гаушо.

Собранные в этой книге истории похожи на такие рассказы: в них есть и особенности различных регионов стран мира, например, Китая и его провинции Тайвань, и традиционные действующие лица, которыми изобилует глава о Кавказе. Надеюсь, что при чтении этой книги в воображении возникнут образы религиозных фестивалей в Мумбаи или бразильского карнавала, организованного мною в Гоа.

Не думаю, однако, что мои рассказы были бы уместны за шураско**, в кругу людей, потягивающих мате. Так принято есть жареное мясо, запивая его чаем, на юге Бразилии. Да и не представляю, как я вещаю в величавой позе, пытаюсь привлечь внимание скотоводов. Мой стиль, уже не исправимый, — непринужденная беседа за стойкой пляжного бара Рио.

Дипломатическая служба в самых отдаленных концах планеты всегда доставляла мне огромное удовольствие. Причина тому — необыкновенные истории, с которыми я познакомился в разных частях земного шара. Иногда их рассказывали ветры, ураганы, землетрясения, цунами или противостояния, стиравшие с лица земли целые регионы, иногда — поэзия и проза народов мира.

Потому посвящаю эту книгу рассказчикам из Риу-Гранди-ду-Сул, а также тем, кто терпеливо слушал мои истории, когда я представлял Министерство иностранных дел в этом штате.

* Жители юга Бразилии. — *Прим. пер.*

** Мясо, нанизанное на шампуры и жаренное на углях. — *Прим. пер.*

ОТ АВТОРА

В 1982 году, прибыв в Пекин в самом начале открытия Китая внешнему миру, я начал свои азиатские странствия дипломата. С тех пор главным моим стремлением было лучше понять народы, с которыми я знакомился, и найти новые формы диалога с ними.

На протяжении двух последующих десятилетий мне довелось служить в регионе, который испытывал влияние китайской культуры, а позже продолжить работу по азиатской линии во время исполнения должностных обязанностей в Бразилиа.

Размышления, представленные в этой книге, призваны стать собранием «случаев из международной политики», с которыми я сталкивался на протяжении тридцати лет вплоть до 2012 года. Однако я не намерен предлагать вниманию читателя научные исследования, цитировать труды известных авторов о политическом формировании той части света, где я работал, или делать стратегические прогнозы развития региона.

Собирая наблюдения, я стремился выявить политические тенденции и определить потенциальных акторов, их вызвавших. По прошествии некоторого времени я убедился в том, что, с одной стороны, эти тенденции не обязательно формируются в пределах национальных границ, а с другой — в роли актора не всегда выступает руководство страны, но общество, которое одновременно служит сценой и играет на ней главную роль.

Более того, народ может не знать о происходящих трансформациях, в ходе которых старое уживается с новым, где есть место прогрессу, возврату к прошлому, сопротивлению и компромиссу. На практике чаще встречается консенсус, нежели компромисс. Теории о новых парадигмах регионального развития появляются и исчезают, на смену им приходят концепции, разработанные за

пределами региона, не обязательно им противоречащие, просто новаторские.

К примеру, что стало с теорией «стаи летящих гусей», столь популярной в 80–90-х годах прошлого века, после недавнего появления на международной арене «индийского павлина»*?

Помнится, в 80-х годах XX века существовало мнение, что Япония, благодаря успешному развитию экспортоориентированного производства, станет лидером «стаи». По мере того, как экспортируемая страной продукция становилась технически сложнее и дороже, товары с меньшей добавленной стоимостью постепенно начинали производиться за ее пределами: в Южной Корее, Сингапуре, Гонконге и Тайване. Последние должны были стать новыми «гусями» и сформировать так называемую «стаю» под предводительством японцев.

Никто не предполагал, что в эту группу может вклиниться «китайский дракон». Исследования причин подъема Китая в конце прошлого столетия встречаются во многих публикациях на тему «азиатских ценностей». Согласно им, именно «священный конфуцианский мир», зародившийся в Китае, — основа феномена развития всего Азиатско-Тихоокеанского региона, объединившего гусей и дракона в одной стае.

Однако в начале нового тысячелетия в этой и без того разнообразной стае птиц, символизирующих экономическое развитие, начинает заявлять о себе «индийский павлин». Кстати, кроме павлинов, не способных летать на дальние расстояния, в Индии есть грифы, вороны и несметное количество голубей, своей любовью к странствиям схожих с остальными обитателями этой страны и абсолютно не повинующихся никаким предписаниям конфуцианства. Следовательно, для объяснения столь нашумевшего феномена подъема стран Южной Азии необходимы иные теории.

Обращаясь к периоду, проведенному в Закавказье, отмечу, что конец холодной войны должен был повлечь за собой крах биполярного мироустройства, глобализация — стать панацеей для разделенного на воинствующие лагеря мира, а геополитические обзоры — утратить свою ценность по мере того, как планета ста-

* Павлин — птица-символ Индии наряду со слоном и тигром.

новилась бы менее разделенной географически и более сплоченной общими ценностями.

Однако не заставила себя ждать новая геометрия власти. В частности, на политическую арену вышли региональные акторы, сосредоточенные в так называемых “hinterlands”. Целые нации, «спящие» в эпоху биполярного мира, заявили о себе, стали независимыми государствами, и сегодня «дрейфуют» в ожидании новаторских перестановок, которые определяют их дальнейшую роль.

Так, Азербайджан, где я был послом с 2009 по 2012 год, существовал как независимое государство совсем недолго — с 1918 по 1920 год. После распада Советского Союза и семидесяти одного года функционирования плановой системы, навязанной Москвой, не приходилось ждать, что мировое сообщество проявит толерантность и с готовностью примет эту страну со всеми ее «недугами», приобретенными за семь десятилетий социализма.

Более того, с тех пор европейский континент столкнулся с новыми традиционными и нетрадиционными угрозами. Так, в Баку преобладало убеждение, что евро-атлантический блок, пришедший на смену «Западу», представляет собой силовой узел, “hinterland”, вокруг которого сконцентрированы угрозы и напряженность, нагнетаемые политическими акторами, неустанно подогревающими обстановку своими проектами национального самоутверждения.

Подробнее я расскажу об этом в четырех главах данной книги. Глава первая посвящена преимущественно увиденному за время службы в Пекине, с 1982 по 1985 год. Размышления о китайском влиянии на другие страны встречаются и в других главах, особенно повествующих о годах, проведенных в Юго-Восточной Азии (1986–1995).

Глава вторая — о пережитом на Тайване с 1998 по 2006 год. Третья рассказывает о жизни в индийском Мумбаи (2006–2009). В последней главе речь идет о работе в должности первого постоянного посла Бразилии в Азербайджане.

Книга начинается с очерков пережитого в начале 80-х годов XX века. Проведя анализ сильных и слабых сторон правления Мао

Цзэдуна и принципов экономических реформ, осуществленных в КНР после его смерти, я пришел к выводу, что объяснение сегодняшним успехам, а также потенциальным рискам, связанным с формой правления, стоит искать в истоках китайской мысли об устройстве Срединной империи.

Рассмотрев механизмы сотрудничества и политического диалога различных культур Азиатско-Тихоокеанского региона, понимаешь: здесь решающее значение приобретают исторические связи Китая и Юго-Восточной Азии. Связи эти могут стать определяющим фактором темпов политического сотрудничества КНР и Юго-Восточной Азии. Такое развитие событий могло бы прийти на смену применению силы в попытках сохранения господства, что часто наблюдалось в этой части света с момента появления там представителей западной цивилизации.

Как человек, рассказывающий о Китае и его ближайшем окружении, не могу не отметить, что с 2005 года Пекин непрестанно заявляет, что его нынешний статус восходящей державы необходимо понимать как новый исторический период «мирного подъема» страны, от которого выиграют как страны-соседи, так и остальной мир.

И все же стремительный подъем Китая и его последствия трактуются по-разному. Но правда ли, что намерения Китая по отношению к Юго-Восточной Азии исключительно мирные? А по отношению к Центральной?

Само понятие «подъема», пусть и мирного, усилило озабоченность наиболее осторожных представителей мыслящих кругов: они полагали, что китайцы «стремились достичь больших высот». В связи с этим пекинское руководство начало пропагандировать идею создания «гармоничного мира» как свою единственную цель.

Глава первая посвящена процессу открытия Китая внешнему миру в 80-х годах XX века. В данном контексте анализируется начало модернизации страны, проводившейся под руководством новых лидеров Коммунистической партии Китая, а также влияние истории на выбор, сделанный китайским обществом в пользу курса «срединного пути».

Далее рассматриваются основные аспекты того, что недавно пришедшее к власти руководство Пекина называет «мирным и гармоничным подъемом» Китая. Эта глава состоит из следующих статей аналитического характера: «Китай и Юго-Восточная Азия в эпоху правления династии Мин»; «Особенности культурного влияния Китая»; «Контакт с европейской торговой экспансией»; «Прямые последствия для отношений Китая и Юго-Восточной Азии»; «Возникают различия в восприятии: Китай уверен в своем праве на вмешательство в дела государств Юго-Восточной Азии — последние выбирают независимость»; «Реакция внешнего мира на образование Ассоциации государств Юго-Восточной Азии»; «Открытие Китая и его влияние на Юго-Восточную Азию» и «Новая парадигма: АСЕАН + 1».

Рассуждения на тему отношений Китая с Центральной Азией представлены в статье «Китай: недосказанность о влиянии мирного подъема на внутренние районы континента. Новый шелковый путь». Также приводятся размышления о процессе формирования «блоков» в Юго-Восточной Азии и об экспансии Китая в Центральную Азию посредством концентрических кругов.

Так станет ли подъем Китая угрозой для стран-соседей или причиной глобальной нестабильности, как в не столь далеком прошлом уже происходило при подъеме других держав?

В Бразилии историю Тайваня изучают с событий XVI века, когда на остров прибыли португальцы и назвали его «Формоза»*. Главу о службе в Тайбэе с 1998 по 2006 год открывает статья «Тайвань: есть ли у острова прекрасное будущее?». В ней анализируются значение поддержки США, а также аспекты Тайваньского вопроса.

В статье «В случае воздушной атаки сохраняйте спокойствие — парадоксы Тайваня» описывается тревога, которую я испытал во время церемонии вступления в должность нового тайваньского лидера в 2000 году. Вопрос о проливе, который разделяет Китай и «мятежный остров», поднимается в статьях «Назад в будущее, или Вперед в прошлое» и «США и гражданская война в Китае».

* Прекрасный остров (португ.). — Прим. пер.

По прошествии восьми с половиной лет службы на «Прекрасном острове», меня направили в «Славную бухту»*, как раньше назывался Бомбей, сегодня Мумбаи, — крупнейший город Индии. Это одно из лучших мест на свете для коллекционирования рассказов. Здесь с 2006 по 2009 год были написаны статьи: «Поездка в Индию, или Дорогу Индии!»; «Китай и Индия: подъем и культурное влияние»; «Китай и Индия: борьба “мягких сил”»; «Буддизм как “мягкая сила”»; «Конкуренция за здоровый образ жизни»; «Болливуд против китайского кинематографа»; «Влияние на другие регионы»; «Китай и Индия — “Китаиндия”: обширное пространство для сосуществования разных культур»; «“Китаиндия”: строится огромная экономическая структура»; «Изыщество слона и величие дракона»; «Китай и Индия: гуси и павлин»; «Индийский феномен»; «В сентябре в Мумбаи настоящий праздник!»; «Почитатели и противники Рамы»; «Розовые дороги Индии и сентиментальный терроризм в Мумбаи»; «Индия: дорогу Марии да Пеня!»; «Бразилия на карнавале в Гоа».

Область южнее Большого Кавказского хребта, где находится Азербайджан, была гораздо известнее во времена греко-римской античности и в период расцвета Шелкового пути, нежели сегодня. Согласно древнегреческой мифологии, именно к одной из Кавказских гор Зевс приказал приковать Прометея, передавшего людям священный огонь.

По сей день, что мне лично довелось увидеть, недалеко от Баку земля горит вечным пламенем, которое напоминает о том самом огне. При наступлении темноты оно приобретает голубоватый оттенок. Приятно созерцать этот феномен, объясняющийся присутствием газа в недрах земли, попивая чай с местными сладостями. Легко представить, как пламя, происхождение которого на протяжении веков оставалось необъяснимым, притягивало к себе людей, порождая верования и религии, например, культ огня последователей Заратустры.

* Согласно одной из версий, название города Бомбей происходит от португальского “*Boa Bahia*” — «Славная бухта». — *Прим. пер.*

В период расцвета Шелкового пути, соединявшего Европу с Азией и получившего известность благодаря Марко Поло, современная территория Азербайджана, судя по всему, давала пищу для разговоров на двух континентах. В старинном квартале Баку сохранились стены XIV века, возведенные для защиты торговцев, некогда бороздивших просторы со своими караванами верблюдов.

Сегодня Азербайджан если и знают, то воспринимают как «страну на краю света».

Специалисты и симпатизирующие этой стране люди видят в ней грань между Европой и Азией, между Западом и Востоком, между христианским и мусульманским миром, между современными сферами влияния России, Ирана, Турции и, учитывая ее советское прошлое, между системами плановой и рыночной экономики.

В четвертой главе собраны следующие статьи: «Азербайджан: от шелков древности до края света»; «Деде Коркут на окраине Шелкового пути»; «Геополитика в романе “Али и Нино”»; «Азербайджан и Грузия: призраки СССР»; «Взгляд на ситуацию на Кавказе (о терактах в Москве и Дагестане)»; «Взгляд на ситуацию на Кавказе (II)»; «Кавказ: освободители и пленники»; «Россия: Евразия Путина. Олигархи и автократы, объединяйтесь!»; «Дуга нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Взгляд на Кавказ»; «Кавказ: “замороженные” конфликты и “замороженное” сознание — обстановка в арабском мире накаляется».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дипломатическая карьера предполагает любовь к истории, путешествиям и иностранным языкам, а также легкую адаптацию к новым культурам и переездам. Дипломат Пауло Антонио Перейра Пинто, которого я имею честь знать на протяжении пятнадцати лет, сочетает все это с наблюдательностью, талантливо запечатлевая фрагменты из жизни.

Пауло Антонио родился в Ресифи, на северо-востоке Бразилии, вырос в Рио-де-Жанейро и провел часть юности на крайнем юге страны. Там, в штате Риу-Гранди-ду-Сул, истории передаются от отца к сыну в теплом кругу за мате — традиционным напитком, переходящим из рук в руки в знак дружбы и гостеприимства. О годах, проведенных в Порту-Алегри, столице штата, дипломат хранит памятные эпизоды, о которых рассказывает знакомым. То же Пауло делает и в этой книге, только здесь он делится с читателем воспоминаниями, собранными за тридцать лет дипломатической службы, когда он представлял Бразилию в странах Азии с 1982 по 2012 год.

«От Китая до Азербайджана» — это путешествие с остановками на Тайване и в Индии. Это дорога из отобранных статей, опубликованных во время пребывания автора в этих странах и передающих то, что он наблюдал, слышал и чувствовал. Автор строит повествование о политических событиях на непосредственном контакте с реальностью мест, в которых он жил, задаваясь целью понять страны и народы, истолковать происходящее там, показать, как местное население смотрит на окружающую действительность и ее трансформацию. В Индии, например, самопровозглашенные «блюстители национальных традиций» попытались

запретить поцелуи в общественных местах на День всех влюбленных. Реакция не заставила себя ждать: группа активисток отправила по почте консервативному лидеру розовые трусики.

Часто Пауло Антонио принимает на себя роль рассказчика историй, заводя спокойную и душевную беседу на манер неспешного разговора сельских жителей. А иногда погружается в историю культуры и политики стран, вдаваясь в детали, представляющие интерес для научных исследований. Так, дипломат знакомит читателя с региональной структурой азиатского континента, начиная с XV века, и с истоками китайского лидерства там, доходя до эпохи западного империализма, господства над Азией в 80-х годах XIX века и времен холодной войны, когда азиатские государства обрели независимость от европейских метрополий. Пауло сочетает исторические исследования с собственным опытом. Находясь в Китае в 80-х годах прошлого века, он стал свидетелем введения капиталистических отношений и познакомился с реальностью коллективной земельной собственности. В сопровождении полицейского-коммуниста.

Несколько лет спустя, в 2000 году, дипломат отвечал за репатриацию мальчика Ируана Эрги Ву, сына бразильянки и тайваньца. Семья отца удерживала ребенка на острове. Занимая пост главы Торгового представительства Бразилии на Тайване, Пауло Антонио на протяжении трех лет руководил проведением переговоров вплоть до возвращения мальчика в город Каноас, входящий в агломерацию Порту-Алегри. Несмотря на широкое освещение этого случая в прессе, автор не акцентирует на нем внимание в главе, посвященной Тайваню. Напротив, в ней он проводит анализ «прекрасного острова» и его отношений с могущественным Китаем. Здесь говорится о дилемме тайваньцев: быть «мятежной провинцией» или стать суверенным государством, а также о том, что культурное превосходство китайской цивилизации, свойственное обеим сторонам, может способствовать мирному урегулированию отношений, даже принимая во внимание экономические интересы.

Путешествие продолжается и открывает нам любопытные фак-

ты, к примеру, происхождение названия города Мумбаи, который автор называет «одним из лучших мест на свете для коллекционирования рассказов». В Индии, где 260 миллионов человек живут за чертой бедности, он пребывал с 2006 года. По мнению Пауло Антонио, голливудские фильмы, которые отмечают наградами и показывают за границей, — лишь карикатура на индийский народ. Раскрывая этот обман кинематографа, дипломат рассказывает о менее поэтичном соревновании Китая и Индии, стремящихся распространить свое влияние на другие регионы планеты. Это борьба двух держав главным образом за доступ к природным ресурсам Африки и Латинской Америки. Читатель приходит к пониманию политической и экономической среды этой части света, а также сравнений индийского «слона» с китайским «драконом».

Эта книга не берет на себя обязательство отличиться эстетикой повествования, так как в ней собраны статьи разных временных периодов. Однако в каждом из них нам неоднократно открывается еще одна черта автора — чувство юмора. Прослеживается оно и в описании приглашения на церемонию вступления в должность нового тайваньского лидера: «В случае воздушной атаки сохраняйте спокойствие и обратитесь к ближайшему сотруднику службы безопасности». В 2000 году, когда сотни китайских ракет были направлены на «прекрасный остров», дипломат рассказывает, как провел большую часть церемонии, «недоуменно вглядываясь в небо и ожидая, когда же китайская карательная ракета достигнет стадиона, где проходило мероприятие».

Вновь принимая на себя роль очевидца, автор приглашает читателя прогуляться среди огней, поднимающихся от земли в Баку, столице Азербайджана, бывшей советской республике. Дипломат объясняет нам геополитическую ситуацию в регионе, обращаясь к роману «Али и Нино» — реальной истории, которую считают «Ромео и Джульеттой» Кавказа. Так мы начинаем представлять и понимать превратности этой страны, расположенной «на краю света», где встречаются Европа и Азия, Запад и Восток, христианский и мусульманский миры.

Под влиянием бразильской эклектики Пауло Антонио пред-

ставляет в своей книге богатый материал для студентов и специалистов в области международных отношений. Но не только. Он щедро делится с любознательным читателем жизненным опытом дипломата, не упуская из виду взгляд местных жителей на самих себя. Эти истории он мог бы рассказать за стойкой пляжного бара в Рио-де-Жанейро или в кругу друзей-южан, сторонников традиционного образа жизни. И все бы внимали рассказам о людях, обществах и народах.

*Даниэла Саллет,
журналист*

ГЛАВА I

КИТАЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ
АЗИЯ

1982–1995

ЧАСТЬ I

КИТАЙ В 80-х ГОДАХ XX ВЕКА: ОТКРЫТИЕ МИРУ «БЕСПОРЯДКОВ ПОД НЕБЕСАМИ»

Начало 80-х годов XX века вошло в новейшую историю Китая как эпоха открытия страны внешнему миру после беспокойных времен культурной революции.

В этой главе я вспоминаю пережитое на личном опыте за время работы в Посольстве Бразилии в Пекине с 1982 по 1985 год. Приведенные здесь размышления — скорее результат наблюдений, собранных во время пребывания в стране, нежели исследовательской деятельности.

Полагаю, что объяснение сегодняшним успехам, а также потенциальным рискам, связанным с формой правления, стоит искать в истоках китайской мысли об устройстве Срединной империи.

Я убежден, что в 80-е годы XX века как внутри страны, так и при контактах с внешней средой происходят изменения, обусловленные исторически сложившейся в Китае формой мышления. И они способны повлиять на развитие событий в КНР на современном этапе.

Считаю важным руководствоваться местной логикой, которая с начала нового исторического этапа помогает разобраться в том, что сегодня происходит в Китайской Народной Республике. С одной стороны, для понимания современной действительности этой страны следует отказаться от логических умозаключений и формул, типичных для моделей, разработанных вне контекста китайской культуры. С другой — некоторые государства уже на-

чинают считать современную китайскую модель управления примером для подражания.

*Афроазиатские исследования: Центр афроазиатских исследований
Университета Кандидо Мендес. Рио-де-Жанейро, 2012, январь*

НАЧАЛО МОДЕРНИЗАЦИИ

В начале 80-х годов XX века, когда в Китае подошла к концу целая эпоха возвышенных идеалов маоизма, невольно чувствовалась какая-то грусть. С 1949 года существовала вера в то, что во имя интересов всего народа сотни миллионов людей смогут подняться над собой, переступив через собственный эгоизм.

Китайский пример стремления к равноправному обществу завораживал многих. Страны третьего мира восхищались боевым духом и самодостаточностью страны. Западные экономисты отмечали полную занятость в сельском хозяйстве и с завистью смотрели на дисциплинированную рабочую силу в промышленности.

Тем не менее ежедневные наблюдения и знакомство с реалиями этой страны заставили меня убедиться в том, что за последние тридцать лет Китай давал не так уж много поводов для восхищения.

В действительности среди партийного руководства и членов правительства долгое время процветали коррупция и элитизм. Медленный рост экономики подтверждал, что развиваться за счет собственных ресурсов, отказываясь от иностранных инвестиций, импорта технологий или внешней помощи, не так-то просто.

Из истории международных отношений известно, что с момента образования в 1949 году Китайская Народная Республика содержала огромную армию, отряды вооруженной милиции и создала атомную бомбу. У Китая были конфликты с Советским Союзом и Индией, споры с Японией из-за островов Сенкаку, а с Вьетнамом — из-за Спратли. Таким образом, об абсолютно «миролюбивой» стране, как вещали в Пекине иностранцам, речи идти не могло.

В области внутренней политики, по мере более глубокого понимания реальной ситуации в Китае, не столь уж большим казался выигрыш от контроля семьи. Становилось очевидным, что запрет на вступление в брак до двадцати лет и политика «одна семья — один ребенок» обошлись стране слишком дорого с точки зрения прав человека.

Однако автор не намерен отрицать ни великие достижения эпохи Мао Цзэдуна, ни подвиги китайского народа. Стране, в первой половине XX века пострадавшей от разрушительной гражданской войны, к началу 80-х годов удалось сохранить территориальную целостность, несмотря на возникший в результате культурной революции кризис лидерства.

Очевидным оставалось и то, что Китай кормил и одевал свой народ. Были приложены неимоверные усилия для строительства плотин, дамб и ирригационных систем, а также для удовлетворения продовольственных нужд за счет собственных ресурсов.

Но было ли этого достаточно? Подобные достижения необходимо рассматривать в перспективе.

Мао Цзэдун превратил бедность в «достоинство», оправдывая так политику самодостаточности. Во многом это была реакция на то, что с 1960 года Советский Союз прекратил оказывать Китаю всякого рода помощь. Покидая Поднебесную, советские специалисты увозили даже проектную документацию уже строящихся заводов.

Тогда Великий кормчий возложил все свои чаяния на «гений китайского народа». Отныне все решалось постоянной мобилизацией «масс». Это должно было привести к появлению энергичных и талантливых людей, до сих пор остававшихся в тени по вине жестокого общественного строя. В 60-х годах, например, в рамках широкой национальной кампании простых рабочих побуждали предлагать технологические нововведения. В новостях с явным преувеличением говорили о росте производительности, достичь которого удалось благодаря практическим решениям, найденным на стройплощадках, в полях и за фабричными станками.

«Антинаучный» характер маоистской практики достиг своего апогея в ходе так называемой «культурной революции», ко-

гда преподавателей и учащихся вынуждали преклоняться перед «мудростью» масс.

Схожий подход применялся и к вооруженным силам КНР: в основе маоистской концепции «народной войны» лежало представление о том, что «люди значат больше машин». Так, предполагалось, что сотни тысяч пехотинцев с устаревшим снаряжением смогут разгромить оснащенную современной боевой техникой советскую армию. При этом продолжалось ядерное сдерживание — Китай не отказывался от собственной атомной бомбы.

После разгрома «банды четырех» в Китае развернулась новая кампания, на сей раз по осуждению вдовы Мао. Ее вместе с тремя шанхайскими подельниками обвинили в большинстве провалов и ошибок прошлых лет. Этот процесс также отличался явно преувеличенными обвинениями. Посыл был очевидным: китайское руководство осознало, что политика самодостаточности, отказ от внешней помощи и приобретения иностранных технологий снизили темпы роста и развития практически во всех секторах экономики.

Отказ от старой идеологии происходил через заявления, постепенно разоблачавшие авторитаризм, господствовавший при Мао Цзэдуне. Его память по-прежнему благоговейно чтили, ведь речь шла об основателе Китайской Народной Республики. Однако теперь о Мао заговорили как о простом смертном.

Начинался процесс, в ходе которого ему отвели роль в истории: великий вождь революции, но не столь преуспевший в управлении страной человек. Главной задачей было отбросить социалистические догмы, которые теперь расценивались как помеха на пути Китая к модернизации. В 1978 году основным инициатором изменений в экономической и социальной политике, а также «новым кормчим» стал тогдашний вице-премьер Дэн Сяопин.

Стоит признать, что публичное осуждение Мао не приобрело широких масштабов. Все ошибки маоистского радикализма приписывались Линь Бяо и «банде четырех». Однако простой китайский гражданин видел противоречие: невозможно было принять то, что всю вину перекладывали на одного предателя и четырех

радикалов. По сути, новое пекинское руководство признавало, что «великая пролетарская культурная революция» оказалась огромным дорогостоящим провалом.

Само по себе возвращение Дэн Сяопина к власти в должности вице-преьера означало откровенное неприятие суждений Мао, который дважды лично поддерживал его отстранение.

Впрочем, стоит признать, что Мао верно определил причины постигших Китай бед. Наибольшую опасность для страны он видел в возвращении к застою по вине партийной и государственной бюрократии. Его решения были поэтичными и творческими: ряд кампаний по мобилизации интеллигенции — «Пусть расцветают сто цветов», поиск кратчайшего пути к социализму — «Большой скачок» и разжигание «творческого раздора» между молодежью и государственной бюрократией — «Культурная революция».

Но, как известно, Мао не преуспел в создании «социалистического человека». Он предъявлял слишком высокие требования к китайцам и к самой человеческой природе.

В конце 1970-х годов обо всем этом забыли. Было доказано, что, теоретически, идея побуждать рабочих думать о том, как увеличить производительность собственными силами, хороша. На практике же, идеологическая предпосылка, на которой она основывалась, — мудрость рабочего класса — приводила к нелепым решениям. Например, устаревшее оборудование использовалось в недопустимом режиме, что приводило к несчастным случаям на производстве или не давало ожидаемых результатов.

В частности, производство зерновых оставалось на прежнем уровне. Прогресса не наблюдалось также в проектах развития ирригационных систем и применении новых сельскохозяйственных удобрений, в то время как население Китая росло. Страна продолжала импортировать продовольствие.

Не было видно улучшений и в промышленности. Проводилась маоистская политика самодостаточности и нежелания изучать зарубежный опыт. Такая позиция привела к застою в сталелитейной отрасли, замедлению технологического прогресса, сохранению устаревших предприятий с изжившим себя оборудованием, тех-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Посвящение	3
От автора	4
Предисловие. <i>Даниэла Саллет</i>	11

ГЛАВА I. КИТАЙ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: 1982–1995

ЧАСТЬ I. Китай в 80-х годах XX века: открытие миру «беспорядков под небесами»	16
Начало модернизации	17
В поисках «срединного пути»	22
Открытие внешнему миру	28
ЧАСТЬ II. Китай: мирный и гармоничный подъем	33
Китай и Юго-Восточная Азия в эпоху правления династии Мин	34
Особенности культурного влияния Китая	36
Контакт с европейской торговой экспансией	38
Прямые последствия для отношений Китая и Юго-Восточной Азии ..	40
Возникают различия в восприятии: Китай уверен в своем праве на вмешательство в дела государств Юго-Восточной Азии — последние выбирают независимость	43
Реакция внешнего мира на образование Ассоциации государств Юго-Восточной Азии	43
Открытие Китая и его влияние на Юго-Восточную Азию	46
Новая парадигма: АСЕАН + 1	47
Китай: недосказанность о влиянии мирного подъема на внутренние районы континента. Новый шелковый путь	51
Китаецентричное мировоззрение	53
От «блоков» в Юго-Восточной Азии до экспансии посредством концентрических кругов в Центральной	57

ГЛАВА II. ТАЙВАНЬ: 1998–2006

Тайвань: есть ли у острова прекрасное будущее?	64
Поддержка США и ее значение	68
Аспекты Тайваньского вопроса	70
В случае воздушной атаки сохраняйте спокойствие — парадоксы Тайваня	73

Назад в будущее, или Вперед в прошлое	74
США и гражданская война в Китае	76

ГЛАВА III. ИНДИЯ: 2006–2009

«Поездка в Индию, или Дорогу Индии!»	80
Китай и Индия: подъем и культурное влияние	83
Китай и Индия: борьба «мягких сил»	89
Буддизм как «мягкая сила»	89
Конкуренция за здоровый образ жизни	91
Болливуд против китайского кинематографа	92
Влияние на другие регионы	94
Китай и Индия — «Китаиндия»: обширное пространство для сосуществования разных культур	96
«Китаиндия»: строится огромная экономическая структура	101
Изыщество слона и величие дракона	104
Китай и Индия: гуси и павлин	107
Индийский феномен	109
В сентябре в Мумбаи настоящий праздник!	111
Почитатели и противники Рамы	113
Розовые дороги Индии и сентиментальный терроризм в Мумбаи ...	118
Индия: дорогу Марии да Пенья!	121
Бразилия на карнавале в Гоа	124

ГЛАВА IV. АЗЕРБАЙДЖАН: 2009–2012

Азербайджан: от шелков древности до края света	128
Деде Коркут на окраине Шелкового пути	132
Геополитика в романе «Али и Нино»	136
Азербайджан и Грузия: призраки СССР	142
Взгляд на ситуацию на Кавказе (о терактах в Москве и Дагестане) ..	145
Взгляд на ситуацию на Кавказе (II)	152
Кавказ: освободители и пленники	155
Россия: Евразия Путина. Олигархи и автократы, объединяйтесь! ...	160
Дуга нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке.	
Взгляд на Кавказ	164
Кавказ: «замороженные» конфликты и «замороженное» сознание — обстановка в арабском мире накаляется	169